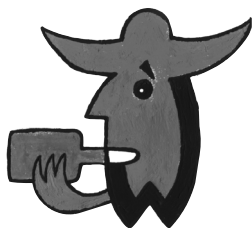

Денис Крюков

СДАВЛЕННЫЕ ГРОМЫ

Tango Whiskyman
Москва 2014

Дизайн и вёрстка: Галина Климова

В оформлении обложки использованы рисунки Дениса Крюкова
«Без слов» и «Блутайнбрехер (Кровяной Взломщик)»

Крюков Д. Сдавленные громы. – М. 2014. 96 с.

Об авторе.

Родился в 1984 году в Москве. В 2007 году окончил Институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). Посещал литературные семинары Анатолия Кима, Сергея Гандлевского, Леонида Костюкова, Дмитрия Веденяпина и Алексея Кубрика. Любимые поэты: Георгий Иванов, Борис Поплавский, Михаил Гронас. В 2013 году вошёл в шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия».

В книге «Сдавленные громы» собраны стихи 2006–2014 гг.

Содержание

Лето

1. «Солнце выпивает меня медленными глотками...»
2. «на мочках холодок-улитка...»
3. «Скорбит у края неба жилка...»
4. «В четыре ночи всё ранимо...»
5. «Трещина на стекле с каждым днём прорастает выше...»
6. «В твоём подъезде мне всегда темно...»
7. «ночь животом притёрлась к векам...»
8. «Темнеет небо погребально, шаток...»
9. «Наладил дождь шурушания станок...»
10. «Ветер трогает шторы...»
11. «после дождя пахнет робостью, несказанным и сквозным...»
12. «Закрываю свои глаза и вижу твои глаза...»
13. «В очереди за мороженым – мальчик и его тень...»
14. «жужжали тяжёлые цветы, словно негодовали...»
15. «Небо затянута в полиэтилен. Старичок трясёт телом...»
16. «Вот дождь сутул, ворчит на грядках...»
17. «К щекам стекается не стыд, а утро...»
18. «Мы вышли на балкон, чтоб подышать руками...»

Осень

19. «Дождь беспородный, линияющий...»
20. «вера в то, что дождь придёт и соединит нас...»
21. «Погода блеет, ластится и злит...»
22. «Смотри в окно, где осени темница...»
23. «под корочкой льда – вода...»
24. «Посольство осени опускает флаги...»
25. «Сегодня ночью сырость подворотен...»
26. «Прилежный ветер воет вместе с синевой...»
27. «– Принеси мне, ветер, тени для век...»
28. «Перебитой лапкой дерево крестит мёртвую птицу...»
29. «В тучах зреют гроздья винограда...»
30. «Сходить с ума как в государство тёмное...»
31. «Далёкая птица, похожая на курсор...»

32. Контролёр маленьких будней (дискретная поэма)
33. «ночь прибирается за окном чёрный мешок...»
34. «Ночью небо красилось хною...»
35. «Секунды с комариными носами...»
36. «Прутья решёток превращают небо в игральную доску...»

Зима

37. «Бесснежно. Лишь налёт на языке...»
38. «Укромные уголки украшает паучья вязь...»
39. «Отпустит свет идущее по следу...»
40. «Смертишка – девочка с косичкой...»
41. «– Оля где? – На Занзибаре...»
42. «в левом ухе я слышу кровь – декабрьская листва...»
43. «Вычти из облака нас и сложи в уме...»
44. «Это не лёд, а свет, белеющий на воде...»
45. «утро начинается с ускользнувшего мыла...»
46. «Когда на кухню ночью, маясь...»
47. «Телевизор шёлкает тишиной многоканальной...»
48. «Движение в сторону чертовщины...»
49. «Различия между тьмой и темнотой...»
50. «Фонарь приготовил свою микстуру...»
51. «Выходя утром на нетронутый снег...»
52. «тут сны на раковине наутро...»
53. «иней проверит взгляд – насколько остр...»
54. «Зимой тепло от маленьких угу...»
55. «Из доков тянет собачьим тявом...»
56. «спишь, держишь во рту пальцы...»
57. «за голосом там и тут...»
58. «Бледный мальчик, словно рис во рту...»
59. «Глазные яблоки...»
60. «Сбаякаться, согреться в сердце...»
61. «от холода...»

Весна

62. «Киргиз разбивает лёд...»
63. «Пахнет лицом тепло – веками, но без глаз...»
64. «Дождь к окну придавил пенсне...»

65. «– Уходящий похож на тающий шоколад...»
66. «Едва едва слова слова едва рассвет слова...»
67. Второе стихотворение для Маши («– Как ты, ниточка неба?..»)
68. «Дождь с усердием часовщика...»
69. «к лету пусть зеленеют глаза...»
70. «тончайший свет накрыл яичной плёнкой...»
71. «Молодость...»

Оле Виноградовой

Мой сердце начинал как соловей,
но досказать не мог свой слова;

Райнер Мария Рильке

В темноте слова освещают путь. Они освещают то, что называют.

из к/ф «Безумный Пьеро»

Имей глаза – сквозь день увидишь ночь,

Владислав Ходасевич

Лето

1.

Солнце выпивает меня медленными глотками.
В голове пряно, как в лавке специй.
Продавец говорит с собственными руками,
И я понимаю, что некуда деться.
«Мы – смуглые пальцы, обнимавшие рукоять,
Чувявшие, где кровь испаряется или бьётся...»
Что-то сворачивается и сочится опять
Между людей и птиц. С невозмутимостью знаменосца
Дома простирают тени с узорами из дворняг,
Лающих и скулящих, и мальчика без футболки.
– Слёзы утри, не кричи и
Догоняй.
Сухие листья, хрустящие, как осколки...

2.

на мочках холодок-улитка
набух как ягодка в отлив
от самолёта только нитка
и рвётся небо распрямив
деревья голоса свернули
в зелёных скомкали кульках
туман давно тебя надули
и укачали на руках
теперь ты мягкая обложка
для одиночества и сна
луны обломанная ложка
черпает чёрное луна
не удаляйся длись и дале
скреби сквозь солнце ноготком
мне говорят тебя видали
с копытцем, рыльцем, хоботком
во время марша в звуке щёчном
в дрожащей капельке на лбу
свернулся свет на потолочном
станке и выпятил губу

3.

Скорбит у края неба жилка.
Синеет и твердеет снедь.
Поёт о смерти лесопилка.
Глазами мокрыми не сметь
Туман разделявать на пары
Клочков бесформенных, прозра...
К виску стекаются гусары
С тревожным запахом костра.
Я буду вывих, всхлип и поезда,
Идущий от нутра к нутру
Огня невидимости, то есть
Руками пудру разотру.
Ворчат дворняжные колонны,
Клыками мясо разрыва...
О, солнца язычок наклонный,
Собой сжигающий слова.
Придут теней ночные чные,
Берёз нестройный некролог,
И злые бабочки стальные
Стучаться будут в потолок.
Не жди придутков, не придут же,
Не спи, у сна такая спесь,
В которой жгут и только хуже,
И воздух обезвожен весь.

4.

В четыре ночи всё ранимо.
Часы мигают кадыком.
Придёт заря одна, без грима,
По мокрым крышам босиком.
Наступит – и проснёшься с воем –
Увидишь лысые деньки.
Плывут русалки под конвоем,
В руках дырявые кульки
С холодным гравием и гречкой,
С горячей тьмой из глубины.
Не притворяйся человечком.
Не спи, тогда увидишь сны.

5.

Трещина на стекле с каждым днём прорастает выше,
Дотронулся до неё пальцем, чувствую – дышит.
Расколола двор, дотянулась до края неба,
Возьму фломастер, нарисую ей крылья
И большие глаза –
Получится стрекоза.

Улетай, пока не разбили.

6.

В твоём подъезде мне всегда темно.
Следами пальцев запечатано окно,
Где отраженье головы, как в целлофане,
Во льду сухом и в коммунальной ванне.

У старого, сварливого звонка
Есть голос мальчугана и собаки.

Смотреть в стекло, как в школьный микроскоп,
Но видеть пальцы, губы, нос и лоб.
На этой плёнке
С воробьиной запятой
Темнеет мир,
Становится пустой.

7.

ночь животом притёрлась к векам
глаза откроешь, станешь человеком
закроешь, станешь просто тиком
далёким в близком, громким в тихом
сварился свет на потолке и по наклону
он капал, бился на виске в мою корону
из веток клёна и берёз и птичьих лапок
как птица весточку принёс
и в глаз наплакал

8.

Темнеет небо погребально, шаток
Его набрякший цирк, и циркачи
Бегут на грядки, соблюдать порядок –
Глотать последние закатные лучи.
Щебечет полицейский, чистит клювик,
Троллейбус подтянулся на усах.
Приходит ветер глупый, как цирюльник,
И что-то долго ищет в волосах.
Тепло ли нам, подвешенным в дремоте,
Приросшим к зеркалу на глазе стрекозы.
«И боль, как шмель, горюет о полете» –
Писал поэт, но это лишь азы.
Война цветов – построились ромашки
(Их изумлений круглые щиты).
Запёкся воздух в танце-неваляшке
И приобрёл звериные черты,
Повадки рысьи, заячьи замашки,
Пугался слова, жесты обрамлял.
Как двоечник, молчащий по бумажке,
Не двигался, делил и округлял
То облако, то реку на утопших,
И выходило тихо, ни души.
Вся красная от этих глаз намокших
Луна под чёрной сеткой паранджи.

9.

Наладил дождь шуршания станок.
Задетый сон скрипит в повозке храпа.
Ведут на кухню мокрые следы от ног.
Наверно, папа.

Канатоходец плача, ниже жмись.
Собаки греют языки в кручине
И смотрят неотпетыми людьми
Стекающие капли по морщине

Так вдавлен взгляд в пустое потолков,
В пустое стен и вешалок крючочки.
Остался след на туче от подков.
Куда уехал он без внешней оболочки?

Потянет дождь из дома хоботком:
«Смотри, двуногий, сколько пляшет лапок».
Все мокрые, как боль под языком,
Деревья, завалившиеся набок.

10.

Ветер трогает шторы –
Это печаль качает плечами,
Обнажая розовое и белое:
Школу с застенчивыми углами,
Облака надорванный лоб.

Мальчик спросил у мамы,
Кто приковал цепями
Лавочку и качели.
– Этот рассеянный свет
Над нашими головами.

11.

после дождя пахнет робостью, несказанным и сквозным.
деревья сплелись шелестом. Постиранные простыни твёрдые,
как нарисованный дым. Кроны в тумане, словно капли на вате:
ободранные локти, колени... Старый велосипед, опустив усы,
грустит на балконе. Я знаю, время живое, и тут же – его шкала –
бельевая верёвка, прищепки сидят, как птенцы. Пока не опустится
солнечная игла, будет молчать пластинка (звоны посуды, скрипы
дверей, ранцы и леденцы). Шипящих полон бокал – это
чтоб не болеть. Ночью видел сон, шарил во тьме наугад:
ободранные локти, колени...
лето, лето, лететь...

12.

Закрываю свои глаза и вижу твои глаза –
Как руки в перчатках, но потрогать нельзя.
И я смотрю, и это уже не я: впалое утро
С беленьким животом
Хнычет, хнычет в шкатулках твоих ушных,
И этот воздух, в котором ещё
Не произнесены слова, наполнен мельчайшей водой
И пока чист. Чертыхается дом, гремя водосточной трубой.
Бельевая верёвка – и словно подвешен лес – и эти линии
Напоминают тебе
Урок рисования, класс «Б», полёт шмеля за радугой и пылью.
Палочка дирижёра – самый внимательный зверь,
С самым умным лицом. Поскребёт о стекло берёза,
Стирая слой дождевой:
Лотерейный билет,
А внутри – ты.

13.

В очереди за мороженым – мальчик и его тень.
Тени много не надо,
Мальчику – тоже.

Невелика потеря: белый, таблеточный
Неба раствор – наполняется
Колодезной мутью, а сердце –
Пастух, зовущий слова
на дне
колодца
помесь воды и сна

Слаженные действия темноты
Снаружи тела, внутри.
На разорванном горизонте темнеет
Серый и синий рот.

Одиннадцать! Сторож посветит – это пришла ночь.
Двенадцать! Сторож посветит – это пришёл дождь
Покопаться
В мусорном баке.
Лай собачий – невидимый – носится в темноте.

14.

даже сквозь недоверие кожи прoderётся живое

Пётр Попов

жужжали тяжёлые цветы, словно негодовали,
трава вставала, поднимала следы
над землёй, и они улетаали,
теряя свои очертания,
продолжая за нами следить.

когда мы почти растаяли,
мы заметили, насколько разные наши тени:
моя – каменная, холодная, с живым жучком в голове,
твоя – полевая, тёплая, с раздавленным жучком в голове.

как странно, смотри:
у этой суровой скалы
травинка
в уголке рта.

15.

Дмитрию Веденяпину

Небо затянуто в полиэтилен. Старичок трясёт телом,
Снуёт по парку. – Вода не даст тебе замереть,
Подумать о смерти, – закивала листва, – всё в порядке.
Был когда-то яблоневый малыш, рос с золотистой кроной.
Вода подступает к ногам, шипит.
Всё нескáзанное
В звуках грома.
Как будто без памяти и ума мы, на остановке без стёкол,
Смотрим друг на друга: вода течёт по морщинам,
По крашеным волосам, по фальшивым бусам.
Отодвинул мамину руку, сказал «Я сам»,
Вышел в прихожую и обулся.

16.

Степану Бранду

Вот дождь сутул, ворчит на грядках:
«Растёт не то – лишь сорные людишки.
А ты, Денис, не потеряйся в прятках,
А ты, Степан, неси дровишки».
Расколет холод клювом: тук, тук, тук.
Сарай в ухмылках, и скрипичными ключами
Ты не откроешь главного, мой друг,
Уснёшь в печали.
На стёкла дышит небо, спишь когда,
Проснёшься – и дыханье затаило.
Прикосновенье радости и льда
От той, которая не полюбила.

На крыше ночь надеется на чудо,
Что утро не наступит никогда.
Неяркий свет, как детская простуда.
Прикосновенье радости и льда.

17.

К щекам стекается не стыд, а утро.
Ты от чего открыто и румяно?
Уже не больно, и цветёт как будто
От комара оставленная рана.
Глаза цветут, когда откроешь в поле.
Закроешь – ночь приблизится на лапках –
В пиратском, окровавленном камзоле:
– Давай играть и прятаться в укрادках.
Всецело белое и небо голубое...
Закат под дверь просунет ноготь красный.
Стоит у леса с перекушенной губою
Мой вздох к тебе отпущенный, напрасный.
И облака жуют своё ничто, теряют
Кто пальцы, кто раздутую лодыжку.
Смеются те, кого не забывают,
Не закрывают, словно книжку.

Скребётся ночь, как призрак на поминках.
Приносит ветер головы в косынках –
Дары живым от мёртвых и влюблённых
(Для глаз твоих от счастья застеклённых).

18.

Мы вышли на балкон, чтоб подышать руками,
Перекреститься и на ржавое
Облокотиться
Облаками.

Осень

19.

Дождь беспородный, линияющий,
Ищущий в глине, листве.
Ветер с земли поднимающий
Пальцы в моей голове.
Крепко бери, что болит ещё –
Нечего больше обнять.
Рук не хватает у нищего –
Смотрит, не может понять.
Ты, отделённая, летняя...
Жизнь на бумаге и вне.
Жилка – цепочка нательная,
Кровь убегает во тьме
До остановки «Не сбудется»,
До магазина «Разлад».
Ходит, собою любитесь.
Липкий в руке шоколад.

20.

вера в то, что дождь придёт и соединит нас
не покидает меня с утра, но приходит сон
и в его руках – небо, полное глаз,
как ведро, где ягоды перетекают в сок.
на кухне газ – неслышимый голосок.
как фигуриста память, полная искр,
полёт прекрасен, высок.

21.

Погода блеет, ластится и злит.
Дождинок хор придвинулся к закату,
И белый в красное раздавлен и разлит,
Завёрнут в рваную измученную карту.
От жажды рот скребётся – зоопарк –
В нём умные тюлени чуют сети.
Вся ночь в тебе и говорит «На старт!»
И поднимает чёрный пистолетик.
Деревьев тени слиплись и сплели
Свистульку с выдохом на окна и решётки.
Ударься в окна, спящим встать вели
Увидеть мир израненным и чётким.
Не шевелясь, в себя колдует сквер,
Придумывая новую погоду.
Рассвет встаёт, идёт, как Гулливер,
Перебирать людей, трясти колоду.

22.

Смотри в окно, где осени темница,
Дымок из труб, как доктор над больным,
Над городом печально наклонился,
Сломал ладони бледные над ним.
Автобус в сумерках исчез, и только листья
Бегут к ногам бесстрашны и мертвы.
Дырявый скверик в страхе веселится,
Поднял себя и уронил, увы.
Мы ждём в кафе наш счёт за эту муку.
Официант – циркач в отставке – ловок, как
Контрабасист, шагающий по звуку
В крошечный мрак.
Выходим, тени расправляют плечи –
И больше нас они и нас лишают прав.
Кричит метро на дьявольском наречье
И выворачивает свой сустав.

23.

под корочкой льда – вода
настаивается – для кого?
для того кто клюкой
ощупывает всё вокруг и глаза его – рывины
от дорог и тень его – как растянутый капюшон
в котором поместятся двое если
отрубить им ноги
выдохну себя на улицу на её жёлтое разбитое блюдце
по краям собираются люди их руки смеются
и они стоят молчат смотрят друг на друга – и их руки смеются
наверное вспять это когда опять наверное жить это когда не спать
живого от мёртвого не отличать я вижу как ветер обнюхивает
всё что брошено и лежит
приподнимает и вот оно всё бежит
прыгает разный сор – прямо в глаза в карман
ощупываю себя и нахожу туман

24.

Посольство осени опускает флаги,
Дни худеют, кормятся сквозняками.
Животы – пустые, тёмные фляги –
Стучат, наполняются облаками.
Куда торопится ветер с букетом капель?
Лбом прижался к трамваю, а шеей к рельсам.
Я тебя ю, ты меня т, приятель,
Передавай привет подснежникам и эдельвейсам.
Как просыпаюсь на простынь и сплю в ногах,
Как засыпаю на смятом и белом долго,
Так копается кот в жилах и потрохах.
Щёлкает сердца невидимая заколка.

25.

Сегодня ночью сырость подворотен
Звучала тубой, пахла подбородком.
Толстело небо в чёрном привороте
И уменьшалось в реверансе робком.
Земля сырела, шёл за новичками
Её печальный запах и светился.
Ушёл старик на кухню за очками,
Взглянул в окно и в миг развоплотился.
А что осталось: тапочки, дворняга
И на кроссворде лесенка кривая.
Когда он в землю лёг, сказал бедняга:
«О, лишь бы ты была живая».
Прощупывает дождь за слоем слой
Земли, её кроша и выжимая.
«О, лишь бы ты была живой.
О, лишь бы ты была живая».

26.

Прилежный ветер воет вместе с псиной –
И дыбом листья, шерсть и сны людей.
Темнеет парк раздавленной корзиной –
Кормушка для уловов и затей.
А ну-ка, выверни тепло своё в ладошку.
Внутри карманы красные, как рот.
Идёт с лицом, похожим на картошку,
Сосредоточенно себя жуёт
Патрульный – и ушёл как будто съелся,
Ленивым злом пропах его пиджак.
Воробушек на веточку уселся
И превратился в непонятный знак.
Мне говорят деревья в острых взмахах,
В сгибании надломленных утрат
О том, как едет ночь на черепахах –
Старательный, но жалкий Гиппократ.

27.

– Принеси мне, ветер, тени для век
От деревьев тех, что подслушивают разговоры.
В скрипе детских велосипедов –
Осенний поклон стволов,
Одиночество слов, бессловесные споры.
Я стою, меняю выдох на вдох
(Тёплый выдох на холодный вдох)
На детской площадке, в кругу птичьих следов.

28.

Перебитой лапкой дерево крестит мёртвую птицу.
В тельце шевелятся черви – глухие голодные ноты.
Крошечные рты кроны сквозь ветер зовут кого-то:
«На помощь! На помощь!» Но свет погасили в доме.

Но в доме уже в истоме.
Но в доме уже не в доме.

...

У замочной скважины ссутулился язычок зажигалки,
Заглянул внутрь: «Спят. Будить жалко.
Давай постоим, посмотрим, как тает пушистый дым,
Как примеряет ветер седые его усы».
«Давай постоим...»

Стоим.
Он горит.
Я мёрзну даже внутри.
И хотя у меня большое, человеческое сердце,
Мне некуда деться.
У него – вовсе нет сердца.
У дерева – маленькое, беличье.
С таким
Не сойти с места.
С таким
Не спастись.

29.

В тучах зреют гроздья винограда.
Дышится – как входится в подвал,
И дыхания разорванная вата
Прижимается к тому, кто целовал.

Молния ликует в жёлтой шапке,
Гром гремит ключами от висков.
Проступают люди в этой схватке,
Серые, как мысли мотыльков,

Будто позабыли их и стёрли.
В магазине зеркальце купи.
Словно бантик затанули в горле
На грохочущей колодезной цепи.

От дождя смешны каштаны, ели злобны,
Ночь, уже раздетая до пор,
Приглашает в домик свой удобный.
Головы не выпитый фарфор,

Тёплый, улыбается, слезится.
В мухе зарождается псалом.
Лапки трёт и едко веселится.
Грива дерева горит узлом.

Сходить с ума как в государство тёмное
По локонам, бульварам и ложбинкам.
Завесит ночь окно своё огромное,
Свободу предоставит невидимкам.
Кто щёлкнул пальцами, как клювом пеликан,
Позвал гарсона в блузке с желваками.
Побудь со мной и объясни рукам,
Как брать тебя, не трогая руками.
Мы говорим, как Азия темна,
Когда глаза узки, залиты кровью.
Лунатик улыбается: «Луна!»
И наступает медленно на кровлю.
Качался лес, как будто загребал
Ветвями лунный свет, храпел сердито.
Под утро дождь о смерти напевал
И выставлял прозрачное копыто.
Пора душе дрожать в дождевике,
Подпрыгивать в набрякшем экипаже.
Лесничий принесёт её в мешке,
Хотя не заявляли о пропаже.
Пропахла зайцем, в шапочке грибной.
Проснулись люди, мокроносы, ветхи.
Сереет утро – набожная моль,
Замёрзшая в своём собачьем мехе.

31.

в день когда голова пуста

Михаил Гронас

Далёкая птица, похожая на курсор,
Наводит себя на меня.

В теле туманного дня
Облака... Всё глубже заходят
В кровь.

Кажется мне, на спине прорастают перья...

Всего лишь мурашки...
Но громко хлопают крылья.
Нет... двери.

Вернулся ветер, покрытый усталой пылью.
Принёс с собой человека.

...

32. Контролёр маленьких будней (дискретная поэма)

я бы за тебя умер
но я и так умру

Пётр Попов

...

подопытный день руки свои раскачал
лишние звуки те в которых молчал
птицы нелётные тени людей клюют
стало быть видят зерно воду из тела пьют
криво прилеплен свет на моём боку
небо откроет секрет кукареку

...

выворачиваю карманы,
нахожу белый платок
с пятнышком крови
и думаю:
вот она – карта
моего
мира.

...

Бритоголовый божок
Разложил на прилавке руки
Свои руки – и ничего больше

...

Столкнулись лбами
В оконном стекле
А больно

...

У метро продают растение,
Похожее на засохшего человечка.
Девушка тусклая, тень её
Не больше свадебного колечка.
Спросит: почём, зачем,
Чем поливать, как любить?
Продавец глух, нем.
Не о чем говорить.

...

скажи что полегче
что полегче чем мои руки
и тогда – мне станет легче

...

нам не дойти до метро
на деревьях красный патруль
полицейский с фамилией Тромб
с лицом похожим на нуль
прикажет раздеться, спрятаться, разделиться

...

вокруг всё красное сложное
как после взрыва
неаккуратно разложенное
мято и криво
на дорожных знаках – человечек и палочки
что-то знакомое из детской считалочки

...

нужен ли тебе плюшевый голосок
нарисованный глаз золотой носок
утром идут на работу с рыбой во рту
Курт Воннегут и его невидимый друг
мы вместе – руки наши тесней чудесней
сквозь дымные баррикады беспризорные беспорядки
мы несём слова в невесомой тетрадке

...

тут нет минут
и иные минули дни
парашют солнышко и кунжут
веки мне подними
пальцы стройнее ног
полы пальто полны
тепла
я
по телефону
трепал
выронил
все
слова

...

бесы, оставьте меня в бездействии
и без вас
солнце
светит

...

я тут тону и вот
голос мой полон волн
едва брезжит едва жив
ещё один день прожит
ещё один день бежит

...

даже не пытайся уйти от квартир
их бежевых полотенец их шлёпанцев
серых смешных
на мне вышиты наши сны – эти глаза уши
страшными вещами полны:
вот чайник без носика рта ножек
его голос тонок нежен неосторожен
мы вместе пьём чай – горький коричневый
с запахом старых ножен

...

на леске осенних дней скопился иней
и быстрый снег
уже невидим
и бел
мой
день

...

в стенах
больше воды
чем в людях
населяющих
дом

...

ты контролёр моих маленьких будней
ты меня не буди ничего не будет
по телевизору рябь это расплзается мой
свитер это тайный обряд
выходящий на связь Юпитер
у нас тут катышек говорят
у нас тут свернулась окрошка
пошлите нам взвод октябрят
из бронзового окошка

...

воробьи растаскивают хлеб по маленьким животам
нагие берёзки щёлкают пальцами как цыганки
щупают друг друга за мелочные останки
я тебя никому не отдам

...

вылезали гномы из-под земли
собирали ели окурки
плохо лежит то что нашли
кровь согревает –
три литра в подкладке куртки

...

у нас дом
стоит на глазах
на ресницах
уходит в поле

...

страусиный дождь
прячется под землёй
облако в шляпке
отказывается дышать

...

В капюшоне скопилась вода,
Сухие листья, мёртвая мошка,
А ещё небо под слоем льда,
А ещё душа, не знающая покоя.

...

в мире столько всего всего
родинка на мизинце надкусанная баранка
но я не вижу этого ничего
а ещё – есть пирожок выцветшая панамка
но я думаю о другом

...

выбирайся из-под кровати
маленький демон, сантиметр в объёме
с головою дворцового лекаря, с ногами деревенского петуха
с запахом как от пекаря
с дудочкой пастуха
спой мне песенку, сыграй на веснушке
подари мне весёлые, мякишные игрушки
сделай из серы ушной
тросточку дирижабль
ласточку и корабль
поговори со мной

...

выходи выходи ночью во двор
тебе расскажут что такое стихи
ждут тебя заяц призрак и вор
неподкупны лихи
заживо кожу с тебя сдерут
вместо неё дадут сарафан
кто ты тень моя лилипут
созвездие похожее на Коран

...

в чём измерить счастье в минутах или
в клеточках на пальто раз два три
мимо проносятся автомобили
стоят невыспавшиеся фонари

...

изо рта выселяешь пар
изо рта выселяешь крик
а я бы выселил свой язык
вместе с паром и криком
этот дом ему мал
пусть идёт, покачиваясь,
к осенним листьям на бал
на скользких ветвях дрожит
показывает себя прохожим

...

Я знаю сказку про трёх медвежат,
Вот они спали, а теперь проснулись, лежат.
Медвежат Егор: Хочется крови девочки двух-трёх лет,
Квартиру в Рязани или сходить на балет.
Медвежат Митя: А мне бы – спелую азбуку,
Книгу с картинками о несбывшихся чудесах,
Лизнуть в руку мальчика четырёх-пяти лет, выпить его глаза.
Медвежат Што: А я не такой, мне бы кусочек тепла,
Которому нет названия и числа,
Который черепную коробку выдавливает изнутри,
Словно гончар кувшин наполняет вином, смотри.

...

Из одной оговорки.

– Во мне есть лишний лес.

...

Вбей мне в темечко шурупчик,
Покрути, покрути.
Речка, ласточка, голубчик,
Отойди, отойди.
Колесо внутри провала.
Разотри в руках росу.
Без конца и без начала
Ночь, как семечко в лесу.

...

Принимать разные препараты,
Чтобы не выросли крылья или там борода.
Солнечный свет проникает в палаты.
Вода в кубике льда –

Самое ценное, что есть в природе
После крови, свернувшейся в уголке.
Приходит доктор, говорит: «Кто вы?»
Я отвечу линией на руке.

...

Что мы запомним пятками? дно, острые камни.
Что мы запомним ушами? вольный плеск плавника.
Что мы запомним ртом? горечь безмолвной рыбы.
Но есть места, которые
Ничего не помнят,
В которых кровь
Вздыхает и тонет,
Которые бьются во тьме,
Шепчут невидимыми голосами,
Так что не вымолвить, не суметь,
Не запомнить глазами.

...

карлики и водомерки а ещё санитар босой
все они у меня – в детском ведёрке
все у меня с собой
а ещё на маечке вышит страус
а ещё в уме осьминог с весной
он мне сказал что я не состарюсь
он у меня такой
когда дождь растает и мир вернётся
для холодных лиц для нагретых глаз
я не знаю что ещё остаётся
что ещё останется кроме нас

...

«Займись полезным, почитай Гомера».
Не слушай, как в сердце скрипит галера,
Как рабы разгружают краденые барбариски.
Волна вздыхает и подходит близко,
Смотрит глазами, которых не видно,
Говорит: «Мне не страшно, мне не обидно,
Что закована в эти влажные и живые цепи,
Что кораблик тянется, как на прицепе,
Всюду за мной, всюду за мной.
И этот воздух тикающий, ледяной».
Что мне ответить волне, рассказать рабам,
Чем заплатить за проезд по этим местам.
Руки отдать, глаза или родинку с живота.
Ливень на линии горизонта – сама немота.

33.

Алексю Кубрику

Мы дети тревоги и тоски,
мы свистящие крылья ночные.

Бу Бергман

ночь прибирается за окном   чёрный мешок
и мы в нём   в отдалении зашептал дождь
на ресницах приближаясь к вокзалу
– у меня идёт кровь
– не трожь!
тени деревьев присели как по сигналу
можешь бежать, дуб, можешь бежать, осина,
наперегонки в пламени керосина
можешь ещё успеть – перегореть, проститься
взглядом выдавиться за окно
отделяется от души птица
летит   и темно темно

34.

Ночью небо красилось хною,
Косы к утру налились тоскою.
Маленькой закорючкой стальнойю
Дверь открою.
Проходи, ветер, садись и жди.
Завтрак готов, вот моя мука.
Облака, похожие на бигуди,
Не издают ни звука.
Пахнет земля нерождённым, злым,
Из домов выходят сонные люди.
Небо становится голубым
В неизменной своей валюте.
Дождь пробежал на ногах косых,
Словно татарин по землям русским.
Остановите мои часы.
Минуты – жалобные моллюски.

35.

Секунды с комариными носами,
Часы-бульдоги, дни-жирафы.
Зачем мне руки? Я беру глазами –
Усталые мои вы голиафы.
Карманный мир, он состоит из рук,
Воспоминания о том, как прикоснулся.
Кузнечик натянул зелёный лук,
Подпрыгнул – и в июль вернулся.

Осенний клён – кривляка, шут, портье
Приотворил невидимые дверки.
Дома висят на поздней темноте,
Как в табакерке.

36.

Прутья решёток превращают небо в игральную доску.
Дождь прижимает мальчика к гаражу.
Дворник, сгребаящий мусор, пишет ответ Босху.
Если увижу, что я ему скажу?

– Кожа дана нам, чтобы трещать по швам.
На капельках труб играет Майлз.
Мальчик даёт имена именам,
Теперь ты не Маша, а Маша Чарльз.

Простятся не руки, а рты без рук
Или глаза
Без рук и ртов.
Простишься не ты, а Маленький Мук,
Шевелящий зубами одежных швов.

Примечание автора: в стихотворении идёт речь о краткосрочном свидании в женской исправительной колонии.

Зима

вокруг слова сжимается снег

Пауль Целан

37.

Бесснежно. Лишь налёт на языке
напоминает о зиме. Лишь зеркало
напоминает обо мне.

О том, что из моей одежды нитки
во все стороны торчат,
как детские штрихи,
как грустные улыбки.

О чём они молчат?

За окнами, над школой и психушкой,
садится в шляпку мумия с горбом.

О, облако, побудь моей игрушкой.

Согрей бинтом.

Но только ртуть в стручке стеклянном
всё знает о тепле моём.

38.

Укромные уголки украшает паучья вязь.

Как он посмел имя твоё взять?

Спрятать...

Переписать...

39.

Отпустит свет идущее по следу
Переместится в память в лес и в даль
Идёт Геракл не верящий в победу
С ведёрком полным льда

Твои глаза – щелчок из тьмы и пауз
Как будто красть и красться и вода
Течёт в себя и прячется как страус
Идёт Геракл с ведёрком полным льда

Слова я зна но зна не ет и длится
Как полдень бел как вечер недалёк
Последний снег пытается молиться
Блестит и тает лёгкие извлёк

40.

Смертишка – девочка с косичкой
По ОБЖ схлопочет три.
Флиртует жмурик с медсестричкой –
И холодеет всё внутри.
Вороны растащили лужи,
У каждой в клюве по куску.
Зачем мне рот, глаза и уши,
Когда я булочки пеку
Из чёрных шапочных помпонов,
Из капель света в сорок ватт.
Ползут подростки из притонов
С душой, похожей на салат.
Детишки режутся в картишки.
Котёнок мёртвый – на кону.
И то, о чём не пишут в книжке,
Скребёт мизинчиком по дну.

41.

– Оля где? – На Занзибаре, –
Отвечал худой портье.
Как сигара в портсигаре,
Он не видит в темноте,
Пахнет мятно и жестоко,
Улыбается медком.
– Ночью будет одиноко,
Спи под серым холодком.
– А вернётся? – Знает юнга,
Поищи его в порту.
Но за дверью только вьюга
Подзывает темноту
То как глупую собачку,
То как лютого волчка.
– Расспроси об этом прачку,
Городского дурачка.
Злые улицы кривятся,
Свет привязан к фонарю.
Снятся яды мне и яства,
Как с визирем говорю.
Он качает длинным ногтем,
Разрубают им слугу.
– Оля где? – А Оля вот где,
Поищи следы в снегу:
От ограды до беседки,
От нуля до минус трёх.
Снег качается на ветке,
Точно немощный зверёк.

42.

в левом ухе я слышу кровь – декабрьская листва
шумит из глубин тепла: *Отодвинь стул,
сядь, разложи слова. Возьми бледное «о»,
стылое «т», короче, «О тебе ни слова».*
а круглые следы от стула – о чём говорят?
и почему – обои трещат? И цветы
на них потемнели,
как будто из тени
пытается выйти тело.
прислонив ухо к стене,
слышу, как проходит вода
утренняя
ледяная.

43.

Вычти из облака нас и сложи в уме
Удивлённую ночь и шорохи под ногтями.
Кто это, кто, медленный, словно медь?
Садится в углу, не говорит с гостями.
Я это, я, голос мой гул во лбу,
Нити теней, сплетённые воедино.
Капли дождя в стёкла скребут и лгут,
Что мы потом и тут
И
Ничего не видно.
Но и не надо, глаза закрывай и видь
Гибнущий свет, катающийся по кругу.
В окнах рассвет – вымыт и ледовит.
Тянутся ветви, как немощные к недугу.

44.

Это не лёд, а свет, белеющий на воде.
Чтобы схватить тепло, сожмёшь кулаки.
Сердце стучит в правой и левой руке.
Медленный снег, шаги твои глубоки
Белым по чёрному. Язык открывает рот:
Это ли ключ? Да.
Речь не легка.
Если читать
Вывески наоборот,
Получается: Масревину, акетпа,
Онизак, ефак...
Чёртова музыка. Ыротш, яелакаб.

45.

утро начинается с ускользнувшего мыла,
с белого холода на руках,
с пёстрой песни соседа-дебила,
цветущего
в облаках.

в лодочке из ладоней не уплывёт,
разве что – от раковины до рта,
а потом до вечера болит живот
и голос картав.

а вечером
из его кровати –
всё тот же еловый скрип,
словно перелом детской ноги
от футбола на ледяном поле.

вспоминает вопль: «Беги! И забудь о боли...»
сухое небо,
леса обглоданные плавники.

46.

Когда на кухню ночью, маясь,
Я выхожу в одном носке,
То громче музыка иная
Звучит в мороженой треске.

Когда пакет я разрываю,
Чтоб охладиться молоком,
То громче музыка иная
Звучит под гладким кадыком.

Когда глаза я закрываю
И забываюсь до утра,
То громче музыка иная
В узоре чёрного ковра.

47.

Телевизор щёлкает тишиной многоканальной,
На балконе снег собирается в коlobка
Дырявоглазого, с душою пододеяльной
Не больше плевка.

Чему-то не спится и что-то садится в кресло,
Свет не включая, смотрит во тьме в себя:
Там накрывают стол Может Быть, Что Ж и Если.
В белых блюдах только капли дождя.
Облако в небе, похожее на остановку
Для душевоза, лучиком тычет в лес.
Ветер идёт, накинув одну ветровку,
Сквозь которую виден весь, виден весь.

Движение в сторону чертовщины,
В сторону скользкого исподтишка.
Девочка со следами мужчины
Вытекает из дверного глазка.
На площадке тьма набухает рвано,
Душит лампочку, стёкла бьёт.
Участковый с лицом барана
Кровушку соседскую пьёт.
Почему безкожие вне психушек?
Расхаживают парами Прыг и Скок.
Перья торчат из них, как из подушек,
Из ушей вываливается песок.
Боже, постриженный под жиртреста,
В ранце несущего бутерброд,
Дай мне душу вместо протеза,
Застегни на молнию рот.
Облако с вывихом, с гематомой,
Пыжится, старится, ширит швы.
Может, не надо, давай потом, а?
Мрак из зажёванной головы.

49.

Различия между тьмой и темнотой
Как между мной и тобой. Найди хотя бы одно.
Вместо букв у меня глаза. Сегодня утром
Я прочёл рекламу «Счастье – слепым» и забыл,
Куда я иду. Бел и надтреснут лёд, словно
Кого-то зовёт
Из последних сил. И молчат фальцетом
Прозящие милостыню слепые.

50.

Фонарь приготовил свою микстуру.
Ели насупились и не пьют,
Нарастили снежную мускулатуру,
Не подходи – убьют.

Ночь притянет месяц со сбитой шапкой,
Раскидает линии судеб, схем.
Что случится, написано мягкой лапкой,
Расширяется, делится, но не всем.

Грузовик подвозит в раскосых шурках
Свет протёртый, как дачная простыня.
Побежали по детской площадке в бурках
Ели – глупая беготня.

Он один на лесенке белой, шаткой,
Раскачался с ловкостью циркача,
Как склоняются взрослые над кроваткой,
Улыбаясь и нежности бормоча.

51.

Выходя утром на нетронутый снег,
Абсолютно белый, но с пятнами от теней,
Я думаю, как пройти так, чтобы не
Сделать темнее. Как – не сделать темней?

В белом дыхании

приближается

человек,

Молчит и стучит ладонью

в пустое ведро.

Воздух звенит, падает

снег с ветвей.

Становится страшно, к лицу приливает кровь.

Кожа кажется тоньше, когда приливает кровь.

Человек уходит, стуча в свой тугодум.

Кровь отзывается тёплыми лапами, но

Вот поворот. И тишина. И ветер крутит на льду

Белый волчок, такой же, как в детстве, и я бегу.

52.

тут сны на раковине наутро
следы оставят стекут в трубу
мой друг денис поступает мудро
на завтрак жуёт губу

не сытно жарко от вкуса крови
листва слабеет теряет цвет
у леса сухие тёмные брови
над лесом осенний снег

он редок бел и на вкус приятен
как пудра с пасхального кулича
не забудь купить средство от пятен
не забудь навестить врача

тот клювом стучит и глядит на окна
на табуретке дрожит дитя
на полу и на коже мокро
я останавливаюсь войдя

53.

Маше Алёхиной

иней проверит взгляд – насколько остр
так маленькие говорят, голосами хрустят
как сухарьками у школы
– мёрзлые пальцы кому? мёрзлые пальцы
только себе самому – за душу взять
и обняться
солнце – обиженный шар, беззвучный призыв любить
как тебе под пальто? и за что

54.

1.

Зимой тепло от маленьких угу.
Они со мной играют на снегу.
Ты едешь целый день в трамвае-лимбе,
И лёд звенит, подпрыгивая в нимбе.

Он продолжается на крышах и на щёчках
И запирает всех в своих замочках.

– К ноге! – командуешь ты боли шейной.
И вниз она ползёт по строчке швейной.
– К губам! – командуешь ты сам кому не зная.
Улыбке, тишине, стеклу трамвая.

2.

Зимой тепло, пока не рассвело. При свете
Страшнее чешуя на небе,
Слышней бряцающие звуки.
На улице ко мне подъедет ветер,
Со свистом распахнёт все дверки.
– Доеду до разлуки?
– Примеришь холодок в примерке.

И я уеду.

55.

Из доков тянет собачьим тьявом.
Мороз суставами хрусть да хрусть.
Что носишь ты в сундуке костлявом?
Стихи, заученные наизусть.
У рыбы взгляд – полоумный, круглый,
У волн короткие плавники.
День убегает по пояс смуглый
В леса разгадывать тайники.
Деревьев ветви – палаш, фальката.
Бурчит валежник, как пономарь.
О, лисий голод в броне заката –
Густая, страшная киноварь –
То образует церковный купол,
То зажимается в кулачок.
Что обнаружил ты и нащупал?
Всеобщий хохот, потом молчок.
И холод ходит один с нагайкой,
Устало кружится на бровях.
Теплее – если дружить с утайкой,
Делать настой на её корнях,
Думать, как попугаи большие
Откусывают головы саранче.
А если любишь – немного шире
Твоё тепло на моём плече.

56.

спишь, держишь во рту пальцы
сжимаешь язык, скользишь
несказанно и неказисто
по белому льду катка
ткань простыня прости меня
утро неровное, удивлённое по краям
имя произнесённое в проступающий уголок
солнечный луч
трогает лоб
выносит вердикт
тень голубя на тебе
взлетает
с груди

57.

1.

за голосом там и тут

белеют цветы недослёзки

облако в форме Сербии

на серебряной карте утра

совсем одно

в школу идёт отличник

язык навывпуск

и весь доволен

Птицын и Птицына

держатся за руки

и смеются

2.

научусь очищать глазами людей от теней
словно камень в кармане – кулак – но смелей
и теплей – словно память моя – в темноте
между крошек, ключей
разжимаю
и в холод несу

мы уместимся все

3.

Мёрзнут верёвки,

бельё почти говорит:

«Ниже затёрто,

выше ещё болит.

В этом она была,

на этом она спала.

А это – тоньше бумаги,

прозрачной стекла».

58.

Бледный мальчик, словно рис во рту,
Разминает зябнущие пальцы.
Голосá не видят на лету,
Голосá слепые постояльцы.

Ты послушай, я тебе скажу:
На краю дворового обрыва
Нарисуем сердце гаражу
И улыбку, чтобы был счастливым.

Из коляски детской лёгкий пар,
Легче, чем из кошки и болонки.
Вышел из подъезда и упал
Свет, качнулся маятником тонким.

59.

Я кровавой шарик что вот-вот лопнет

Лукас Мудиссон

Глазные яблоки

На вкус

Я не пробовал никогда. В открытые окна выходит

И входит ветер, и сидит один

На краю постели. И глазами белыми, глазами белыми

Щупает на стене плакатик, отрывает от меня нитку.

И оживает в ней, и несёт её от меня – мягкий, тёплый пробел

В воздухе между мной и тем, что хотел.

Переносит художник

дом с улицы

на облака.

Человек переносит себя

из тёплого дома

в снег

И стоит, как в детстве в углу, оттого что солгал.

В азбуке Буратино вместо слова «любовь» – «льдина».

В азбуке Буратино вместо слова – дырка от носа.

Дырка от солнца – в небе, над моим домом –

Я и не думал, что это

Так больно.

60.

Сбаюкаться, согреться в сердце
И там остаться в домике у дамб.
На медленном подрагивать, вертеться.
И сам не выйду, и чужого не отдам.

Глухая баба Ночь стрижёт ресницы,
Газоны глаз и заливаает рты
Тем голосом, который будет сниться
И собственной боится наготы.

У тишины карманы не зашиты,
В них можно шевелиться, веки мять.
В окне холодном окна не закрыты:
Кричат и плачут, и зовут опять,

Глядят и ждут, подмигивают светом
Теням сгрудившимся, одетым во рваньё
(Себя разламывать, делить себя под ветром
И к чёрным ранам прижимать бельё).

61.

от холода
светло краям
и больно середине, зимним дням
темнея, предстоит стоять
язык во рту, как страж
и страх, и я

закат одёрни, ель, запрячь в иглу
где стол накрыт и голодно теплу
оно горит и говорит: лублу

чем пахнет хвоя? кроткой глухотой
скажи мне, кто я, ставший запятой
когда лежу, когда ребром растёт
из неба месяц и из носа кровь идёт

Весна

Я без слёз не могу
тебя видеть, весна.

Владимир Набоков

62.

Насте Митрофановой

Киргиз разбивает лёд,
И смётся чумазый асфальт.
Воздух себя отдаёт,
Но не сдаётся.

Ты идёшь – снег под ногами тает.
Мимо проходит троллейбус, людей с остановки стирает.
Вынь из карманов руки, пусть они расцветают,
Блестят пытливыми ноготками.

Выдохнешь нимб – весна расправится с ним.

Проснись. Стань мартом у са́мого рта.

63.

Пахнет лицом тепло – веками, но без глаз.

Солнца пробор старушечий...

– Нет, не сейчас. Не могу отодвинуть свет –

Слишком большущ. Не приду, нет.

Губы – сургуч.

Взглядом же – глажу сквер: верен мне, сыт ли?

Но без глаз он сер

И скользят по нему мысли.

Тронут плечо: не ты ли? Тронут ещё: не так ли?

Нет, это горстка пыли

И дождевые капли.

64.

Дождь к окну придавил пенсне:
В белом будь или голым во сне.
Ничего, кроме ярости и раскрытых книг.
Нет ясности
В эти дни.

Ветра влажный топор
Носится по́ двору без руки.
Чёрные пальцы,
Сжимаясь, в печи хрустят.

Нам не нужна эта ночь –
Кола, завезённая утром в ларьки,
Уже содержит в себе темноту. Искры свистят.

65.

Сердце, не касайся сердца темноты.

Елена Шварц

– Уходящий похож на тающий шоколад, –
Говорит медбрат.
– Уходящий похож на пепел ночного костра, –
Говорит медсестра. Росли,
Как ночью на баше часы, наши души в вечерней дали.
Моя – на фоне качающегося белья
(Плачет чёрными Микки Маус, жёлтыми – Плутто)
Тополиные руки свои погружает в тень.
Что ни надень, будешь утро.
Твоя – чёрный пенал проспекта: школа
(Помнишь ощущения от укола? Хочется спать и как будто
Уменьшаются голова и пальцы...)
Как ни усни, будет утро. Я не смогу с ним справиться.

66.

1.

Едва едва слова слова едва рассвет слова

На стене

Я безротый лежу

Как до рождения

Тоньше того что скажу

Даль засмущалась в окне отделив

От огромного света мысль как же красив ветер всегда

Бегущий вперёд как собачка в ране у снега – вода

Неразгаданная задачка

2.

Как голоса без людей добрее

Побегами в воздухе и ростками

Они возникают и вот уже я окружён смеющимися садами

Ласково щиплет лошадка света

Слова оставшиеся без ответа шаги оставшиеся без звука

Снова уснул и уже без тела

По городу ходит моя разлука

67. Второе стихотворение для Маши

– Как ты, ниточка неба?
– К белому ближе звёзд.
Вечер косится
И взбитые губы облака
Мне принёс. Как уголок конверта – вскрытый –
Ниже трава. В платице – солнце. Глаза закрыты,
Приходят слова:
«Не забудь молоко», «не забудь», «я», «далеко»...
«Осторожно, двери» – и это
Почти всё... Синее – переходит в красный, как
Поработал ластиком первоклассник.
На чьём-то балконе – бельё –
Дрожит, словно просится в дом,
И деревья просятся в дом,
И такое чувство, что всё – хочет войти.
Длинные вечерние тени
Ставят силки.

68.

Дождь с усердием часовщика
Собирает на земле аппараты:
Вот прозрачный автомобиль Тоска
И его водители-акробаты.
Прыгают, лёгкие, и висят,
Пахнут ладонями чернорабочих,
За подбородок берут, и вся
Смотрит в тебя ночь их.
Видишь, крошечный человечек согнулся в лампочке,
Пишет волшебные мемуары.
Мы выходим из дома, сидим на лавочке,
Вокруг кривляются наши кошмары:
Листва переваривает, цедит,
Подбирается шумом водным:
«Кто в тебе проснулся, сидит
Голодным?»
Думать о нём – словно ходить по дну –
В обжигающей чёрной вязи.
Осип и Пауль песню поют одну,
Скалятся в папуасе.
Держат меня не воздух, не ширь зрачков,
Не вода, настраивающаяся беззвучно
И затем играющая без смычков
Долго и с памятью неразлучно.

Свет с раздвоенным языком
Загружается, ждёт отправки.
Люди сонные едут в нём,
Как задумчивые булавки.

69.

Оле Виноградовой

к лету пусть зеленеют глаза
и становятся ближе дорожке все пометки на небе
и ты тоже нет никогда
губы в пути переходят сон
в облаке ярости лес из одних слёз
люди на улице из себя растут
улыбаются как горящий газ
верь лишь облакам – с их тяжёлыми
кадыками нервными и разорванными узлами
но они говорят: перестань ранить взгляд
и делятся на неоконченные увечья
у окна – тишина огромна нечеловечья
вещество ночное неоконченное письмо
говорит: что ты что
и не спишь такое

70.

тончайший свет накрыл яичной плёнкой
моё лицо. На жилах бельевых
дрожит хлопчатый силуэт ребёнка
и ручкой машет, и приветствует живых.

и вместо завтрака, на кухне, на столе,
лишь свет. Сквозь поры тюля дышит
не то соседний дом, не то далёкий лес,
не то тюлений след – на небе, выше

всего живого. Только свет и тень
в пустой постели молча лбами слились
так нежно, что уйти, не застелив.
и не стерев некрепких этих линий.

71.

Молодость:

Все волосы на теле – это ресницы,

Но невозможно открыться, вскрыться, проснуться...

На школьной площадке новые, разноцветные виселицы.

Интересно, сколько раз смогу подтянуться.

ISBN 978-5-600-00786-4

Сдавленные громы

Денис Крюков

Формат 60x90 ¹/₁₆.

Гарнитура Garamond Premier Pro

Бумага офсетная.